

Мир я сравнил бы с шахматной доской;
То день, то ночь. А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут, — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Омар Хайям

Валенсия, XVII век

Весна в Валенсию приходит рано: уже в феврале расцветают апельсиновые и мандариновые деревья, с плоскогорий дует теплый ветер, и море дышит слабым запахом соли и водорослей.

Неподалеку от монастыря Святого Франциска располагалась маленькая уютная усадьба — красивый дом с каменными лестницами и фонтаном во дворе, окруженный садом. У входа росли миндальные кусты и белый шиповник. Две служанки во дворе чистили рыбу на обед для именитых гостей.

— Жалко нашу госпожу, — всплакнула одна из них. — Она была так добра к нам!

— Душа госпожи теперь в раю, — вздохнула резвая толстушка Кармела. — А что будет с бедняжкой Фернандой? Ее покровительница умерла, оставив девушку без гроша и крыши над головой.

— Фернанду выдадут замуж за богатого старика, ведь о ее красоте судачат по всему побе-

6 режью. Сеньор Диего уже два раза сватался, а она ему отказывала.

Кармела отряхнула с рук рыбью чешую и кровь, вытерла ладони о фартук. Ее неряшливость раздражала пожилую служанку, но на сей раз та смолчала — не до придирок нынче. Скоропостижная смерть хозяйки повергла слуг в искреннюю печаль. Особенно все сокрушались по поводу дальнейшей судьбы молоденькой воспитанницы покойной, миловидной длинноволосой Фернанды. Смиренным нравом и приветливостью девушка снискала всеобщую любовь. Разве что хозяйский управляющий, пузатый одышливый старик, ненавидел ее. Несмотря на возраст, он обожал похотливые развлечения и норовил каждой девице нырнуть под юбку. Попытка приударить за Фернандой окончилась для сластолюбца звонкой пощечиной, сопровождавшейся залившимся хохотом дворни. Управляющий затаил на девушку злобу. Теперь, когда ее заступница беседует с ангелами на небесах, он усмирит упрямую девчонку!

Фернанда, чувствуя исходящую отовсюду угрозу — с одной стороны, посягательства управляющего, с другой — сватовство ненавистного сеньора Диего, — хотела только одного: чтобы ей позволили уйти в монастырь. Увы, об этом не могло быть и речи. Сеньор Диего пообещал за нее кругленькую сумму, и родственники покойной госпожи не захотят

с ним ссориться. Они ведь почти разорены, а он богат и влиятелен. 7

Ночью после похорон девушка сбежала из дома, который приютил ее, захватив с собой узелок с одеждой и сундучок с шахматами, единственной вещью, подаренной ей перед смертью доброй сеньорой.

— Мои силы на исходе, — прошептала та, сделав воспитаннице жест приблизиться. — Я ухожу, Фернанда... покидаю тебя. Не плачь, дитя... Судьба смилостивится над тобой, я знаю. — Она поманила девушку пальцем, чтобы та наклонилась к самому изголовью. — Мой дом и все имущество уйдут в уплату за долги... Мне нечего оставить тебе, и потому мое сердце обливается кровью. Но у меня есть одна... реликвия, доставшаяся мне от хорошего человека...

Больная задыхалась, слова с хрипом вырывались из ее уст, а грудь судорожно вздымалась.

— Молчите... — рыдала Фернанда. — Вам нельзя говорить!

— Мне... уже можно... все. Слушай, не перебивай. Возьми шахматы, которыми мы играли... Они... принесут тебе удачу.

— Шахматы? Они же дорогие, их можно продать и... уплатить часть долгов.

Губы умирающей дрогнули в улыбке.

— Они... не продаются. Бери шахматы, они твои... по праву. Ты... скрасила мою старость,

8 дорогая Фернанда... заменила мне дочь.
Они твои. Эти... шахматы...

Больная порывалась еще что-то сказать, но удушье помешало ей. Позвали врача, но лекарства более не помогли, и к утру господь призвал к себе душу праведницы.

После кончины хозяйки девушка забрала деревянный резной сундучок с шахматами в свою комнату. Она не могла смотреть на них без слез. Все прекрасное в ее жизни закончилось навсегда, и только эти шахматы будут напоминать ей о счастливейшей поре ее беззаботной юности.

Прижимая к груди заветный сундучок, Фернанда дождалась темноты, выбралась из окна в сад, перелезла через забор и поспешила к монастырю. Там проходила дорога, и, может быть, ей удастся уехать подальше отсюда на какой-нибудь крестьянской телеге.

Вопреки ее надеждам дорога была пустынная, залитая лунным светом, она зловеще серебрилась. Вокруг — ни души. С черного неба на девушку неодобрительно взирало ночное светило. Монастырская стена и выступающие над ней башни отчего-то вызвали у беглянки суеверный ужас. Она совершает великий грех, послушавшись старших, которым ей надлежало покориться. Она будет сурово наказана!

Стук лошадиных копыт по камням показался ей сладкозвучной музыкой — на доро-

9
ге появилась крытая повозка. Фернан-
да радостно встрепенулась, но тут же,
приглядевшись, сжалась от испуга. Неужели
цыганская кибитка? Цыган-фламенкос в Ва-
ленсии побаивались, у них был черный глаз,
и они занимались магией, что жестоко кара-
лось церковью. «Пришла расплата за мои гре-
хи! — подумала девушка, волосы зашевелились
у нее на голове. — Эти страшные люди утащат
меня в преисподнюю, навеки погубят мою ду-
шу!» Деваться, однако, было некуда, идти од-
ной по дороге значило стать легкой добычей
для разбойников или, того хуже, насильников.
Поэтому Фернанда, перекрестившись, пошла
навстречу кибитке...

От усталости и волнения она почти не пом-
нила, как забралась в повозку, примостилась
на ворохе пахнущего конским потом тряпья
и уснула. Старая усатая цыганка склонилась
над ней, обратив внимание на сундучок. Ее
глаза засверкали. Она простерла над головой
девушки высохшую заскорузлую руку, и та
в ужасе проснулась, отпрянула.

— Не дергайся, — сипло засмеялась стару-
ха. — Спи. Тебе не о чем беспокоиться.

— Я не знаю, что со мной будет... — неволь-
но призналась Фернанда. — Мне некуда идти.

— Все образуется. Хочешь узнать свое буду-
щее? — ухмыльнулась цыганка. — Только мы,
фламенкос, на завтрашний день не гадаем. Мои

10 предки учились своему ремеслу в тайных святилищах Исиды и Тота.

— К-кто эт-то? — стуча зубами, едва выговорила Фернанда.

— Великие боги Древнего Египта.

— Это все ересь... грех...

Цыганка обнажила редкие, острые, как у рыси, зубы — она то ли смеялась, то ли скорчила жуткую гримасу. В ее зрачках разгорался черный огонь. Девушка ахнула, попыталась зажмуриться, но не смогла.

— Хочешь, я же чувствую, — прошипела ужасная старуха, пригвоздив ее к месту плавающим взглядом. — Любой смертный мечтает узнать свою судьбу. Разве не интересно, что будет с тобой через десять, двадцать лет? А через два, три века?

В теле Фернанды помимо ее воли разливался сухой жар, а ноги и руки, наоборот, оледенели и потеряли чувствительность. Глаза сами собой без малейшего ее усилия закрылись, и все поплыло: цыганка словно растаяла... Кибитка растворилась в черноте ночи...

* * *

Санкт-Петербург, начало XXI века

Весна запаздывала. В Санкт-Петербурге местами все еще лежал снег. По Неве, по мутным водам мелких рек и каналов плавало ледяное

крошево. Бледные фасады домов, словно написанные грязной пастелью, сонно тянулись вдоль набережной. Холодные волны плескались о заплесневелые камни. С залива дул порывистый ледяной ветер. 11

Грёза стояла на маленьком тесном балкончике, открытом всем дождям и мокрому снегу, и зябко поеживалась. Опять ее одолевала тоска — никуда не хотелось идти, ничего не хотелось делать: лежать бы и лежать под ватным одеялом, слушать, как тихо, заунывно гудит газовая печка и мурлычет толстый кот Никон. Грёза кормила его куриными потрошками и мелкой рыбешкой, до которой Никон был большой охотник.

Дом, где она проживала, подлежал капитальному ремонту, и многие жильцы выселились, — остались только те, которым переезжать было некуда. Им обещали предоставить отдельные квартиры, а пока впереди маячили обшарпанные комнатухи в общежитии на краю города, куда Грёза, две глухие старушки, многодетная семья и парень-сосед переезжать отказывались наотрез.

Грёза замерзла, слегка взбодрилась и вернулась в гостиную с высоким потолком, с лепными карнизами, истертым паркетом на полу и полукруглым окном, завешенным плюшевой шторой.

— Имечко тебе родители придумали — за-качаешься! — подшучивал над ней сосед. — Грёза! Что это значит?

12 — Мечта или призрачное видение, — отвечала она. — Папе взбрело в голову, он и назвал. Он у меня знаменитым артистом был!

На самом деле Грёза выросла в детском доме, ни папы, ни мамы сроду не знала, а жилье ей досталось в наследство от умершей пару лет назад бабульки, за которой она ухаживала. Девушка по-настоящему привязалась к старушке, полюбила ее, как родную, наполнила теплом и заботой последние дни одинокой хозяйки двух комнат с трещинами на стенах и огромной гулкой кухни с допотопной плитой, круглым столом и коллекцией закопченных керогазов.

Мебель в квартире была выдавшая виды, повсюду висели черно-белые фотографии в рамках: дети в пионерских галстуках и военные с орденами и медалями. На этажерке, на буфете, на тумбочках стояли вазы с засушенными цветами бессмертника, а выдвижные ящики шкафа и комода ломились от пыльных коробок и шкатулок, поломанных будильников, шерстяных клубков, пожелтевших журналов, фетровых шляп, старых носков и варежек, от которых разило нафталином.

Все родственники старушки погибли на фронте или умерли в блокаду, сама она чудом уцелела, но так и не избавилась от страха голода и холода, поэтому накапливала всякий хлам — от поношенной одежды до керосиновых ламп и книг с оборванными корешками.

— Гляди не выбрасывай, — поучала 13
она Грёзу. — На растопку пригодится.

Девушка не спорила. Дряхлая и капризная Фаина Спиридоновна заменила ей семью, которой у Грёзы никогда не было. Когда одним хмурым петербургским утром старушка не смогла встать с постели, она попросила Грёзу вызвать на дом нотариуса, отписала ей все нажитое, включая квартиру, и через пару дней тихо угасла. Девушка оплакивала умершую так безутешно, словно утратила вместе с ней что-то невозполнимо дорогое, чего у нее теперь никогда не будет.

Имущество старушки доброго слова не стоило, и сосед не раз предлагал Грёзе нанять машину и вывезти всю эту рухлядь на помойку. Но та не могла расстаться не только с никчемными вещицами, но даже с проржавелыми керогазами и пыльной макулатурой. Ей казалось, что этим варварским действием она предаст память близкой души, разорвет ту слабую ниточку, которая все еще связывала ее с покойной.

Единственной ценностью в квартире была большая, сделанная в форме сундучка, коробка с шахматами. Каждая фигурка, изготовленная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и перламутра, имела вид человечка в старинном одеянии. Пешки-солдаты, воины на слонах, рыцари в доспехах, звездочеты на башнях, всадники, королева-ферзь с роскошным во-

14 ротником и диадемой на распущенных волосах, величественный король в мантии. Для полного комплекта не хватало четырех фигурок: черного ферзя, двух белых пешек и белого короля. Наверное, потерялись в годы войны, а может, и революции.

Грёза работала в социальной службе, получала копейки, но не роптала и не переносила недовольство жизнью на своих подопечных. Собственно, никакого недовольства она и не испытывала: крыша над головой есть, на кое-какую одежду и еду хватает — что еще надо? Годы, проведенные в детском доме, научили ее ценить одиночество и довольствоваться скудными дарами судьбы. Ей хотелось бы иметь семью, близких людей, но только если они не станут ее притеснять, навязывать свои принципы и заставляя ее делать то, что другие считают правильным.

Грёза росла в шумном, разношерстном коллективе, где каждый — от воспитанников до воспитателей и спонсоров — стремился так или иначе подавить ее индивидуальность и привить «общественную мораль». Она чудом избежала *усредненности* и сумела сохранить свое лицо. Она не хотела больше быть обязанной никому и возненавидела благотворительность. Она тяготилась коллективными празднованиями и мечтала об уединении. Она хотела сама себе покупать подарки, а не получать их из

рук представителей различных фондов 15 и церкви. Она жаждала зарабатывать на жизнь собственным трудом и не нуждаться в подачках. Она имела в душе достаточно милосердия, чтобы оказывать его другим, а не получать самой. Она невыразимо устала от сочувственных взглядов, горестных вздохов и покровительственных напутствий. По ночам ей снилась свобода — от всевозможной опеки, от чужого куска хлеба, от необходимости подчиняться и ломать себя.

Возможно, поэтому Грёза с удовольствием ухаживала за немощными стариками, которые были рады ее участию, доброму слову, нехитрой заботе и видели в ней желанного собеседника, близкого человека, призванного скрасить их печальный близкий уход. Она была их ангелом, их прощальной благодатью, и это ей нравилось. Некоторые старики имели семью, детей, которые совершенно забыли и забросили их; некоторые давно потеряли родных и отвыкли от ласки и человеческого тепла, озлобились, замкнулись, погрязли в своем одиночестве и болезнях. Все они напоминали Грёзе о милосердии и любви, в которых человек особо нуждается как в первые, так и в последние свои дни на земле. Почему приход в этот мир и уход из него наполнены болью?

Ответа на этот вопрос Грёза не знала. Как не знала она многих вещей: счастливого детства,